

НЕУЮТНО ДУШЕ...

Рассказ

Юра сидел под грибком, сунув голову в тень. Смотрел на волнорез, спрятавший небольшую пляжную гавань от морского наката. Колени были влажными, пекло прилично. Дочь, в одних трусиках, возилась в песке. Жены не было: вчера обгорела и теперь сидела в санаторном корпусе. По асфальтовой дорожке у стадиона, где волнорез уползал в берег, в тени деревьев трусцой бегали толстые мужики и женщины. Иногда ветерок отбивался от скалы, к подножию которой лепились закусовые, окаймлявшие пляж слева, и тогда под грибок долетал аромат свежего пива, смешиваясь с запахом водорослей.

Этот ленивый южный мир уже третий день омывал семью Глебовых, но Юре не становилось лучше. Как ни убеждал он себя, что зря ерепенится, что есть заботы поважнее, все было впустую. Не хотелось ни в воду, ни свежего пива.

И не с кем поделиться, а уж с женой тем более.

Хотя и ее, наверно, можно понять. Сколько они мечтали съездить с дочкой на юг, — ей надо, надо морским ветром подышать, легкими слабенькая. Наконец все сложилось — и с деньгами, и с путевками. А тут, видишь, мужик собрался отпуск в совхозе провести, среди телят! Какой жене это понравится? Все это понятно. Но чтобы вот так — с криками, поминанием всяких грехов, и вплоть до развода, — такого у Глебовых еще не бывало. И завязалось все в такой тугий узел, что не стал его Юра распутывать, махнул рукой.

...За неделю до отпуска ездил Юра от завода в подшефный совхоз, где потребовалось его токарское искусство. Дело-то было пустяковое. Выточил шпильку, подправил вал для комбайна. Ерунда, словом. Закончил работу, времени до рейсового автобуса было достаточно. Пошел в совхозную столовую, пообедал — всего за двадцать семь ко-

пеек, а обед хороший. Борщ — это настоящий борщ. Котлета с ладонь, с чесноком, сочная.

Поблагодарил повара и пошел было к выходу, но тут его окликнули. Женщина, пожилая уже. Лицо обветренное, глаза грустные:

— Сынок, ты не с завода часом?

Оказалось, доярка. Попросила его заглянуть на ферму, посмотреть поилки да некоторые доильные аппараты.

— наших бестолочей не допросишься, сынок. Ты уж не сочти за труд, помоги. Скотину жалко, и сами не железные, на руках-то воды не наносишься.

Особого желанья у Глебова, конечно, не было. Впереди суббота, хотел на рыбалку съездить. Но уж очень она просила.

До фермы шли километра три. Женщина все жаловалась: мол, перевелись мужики в совхозе. Механизаторы еще куда-никуда, хотя дальше своей техники ни ногой. А вот ремонтники да скотники, ну напрочь обнаглели.

— За бутылку, и то делать не хотят. Это свое-то дело, сынок, за что зарплату получают. И ведь не пришлые, все тутошные, деревенские. От земли же, не городские. Да я не про то, ты не обижайся. У вас работа с часа, с минуты. Вам сидеть — без штанов ходить. А у нас нет такой строгости, чтобы от звонка до звонка. Вот они и распустились. Я давеча говорю Николе, скотнику нашему: чего ж ты пошло-то не подогрел? Ведь это же твое, говорю, кровное дело. Поди, сам-то пока утром горячего не похлебаешь, шагу за порог не сделаешь. И что ж думаешь, сынок? Уставил на меня свои гляделки и говорит: мол, ниче, тетка Настя, переколотятся твои буренки без теплого пойла. Не вытерпела я, отходила его шлангом от бидона. А что толку? Думаешь, ему занозилось? Ни-ни. Поржал и пошел в бытовку курить. Не понимаю я, сынок, что с народом-то сделалось. Вот ты молодой, а совестливый, не отказал тетке. А в наших откуда это бесстыдство? Ведь посмотришь, по телевизору кажут, какие кругом по стране дела идут в хозяйствах, а? Любо-дорого! Или вон Мария Подметова ездила на Кубань за опытом. Говорит, мол, бабоньки, как глянула на эту чистоту да порядок, верь не верь, сердце зашлось, до того нас всех с вами жалко стало...

Глебов шагал рядом с женщиной, слушал ее, а думал свое. На заводе таких паскудников тоже хватает. Вся эта бестолочь, нет заботы о завтрашнем дне. На заводе, к примеру, даже если на тарифе месяц сидеть, все равно на хлеб

с маслом хватит. Вот народ и жирует. Он так и сказал женщине:

— От жира все это, тетя Настя. Живем хорошо, а совесть жиром обросла от спокойной жизни. Не у всех, конечно. Если бы у всех, тогда дело труба, тогда ложись да помирай.

Раньше Глебову никогда на фермах бывать не доводилось. Вырос он в городе. Поразили его убогость и грязь в помещении, оторопел даже. Коровенки по колено в навозной жиже. Худые, грязные, стоят понуро, жуют свою жвачку. Глаза тоскливые. Увидели тетку Настю, оживились, замычали. Защемило сердце у Глебова.

— Чего ж они у вас такие бездомные? Чего ж грязь такая? Ведь не по-людски это...

Тетка Настя понуро села на бидон, вздохнула:

— Эх, сынок, это еще ничего. Ты зимой приезжай посмотри. Сейчас еще хоть корма есть, а месяца через три соломку подбирать будем. По два дня не жрамши стоят. Орут, родимые, в голос, и мы вместе с ними...

Из щелей тянуло сквозняком. Да не летним, прохладным, а октябрьским, колючим. Откуда-то донеслось жалобное помыкивание телят. Глебов спросил:

— Что там?

— Это телята в профилактории. Если охота — посмотри. А лучше побереги сердце, сынок, не ходи. Мы-то на что привычные, и то...

Глебов пошел. Из чистого любопытства. А зря, ой зря! Метрах в тридцати от торца фермы стояло дощатое помещение — сарай из дыр. Из него-то и неслось жалобное помыкивание. Глебов приоткрыл загородку, вошел. На грязном, мокром полу лежали крошечные телята — недели по три, не больше. Сбились в кучу, прятали головы от пронизывающего ветра друг другу в бока. Увидев Глебова неуверенно стали вставать и, скользя по навозной жиже, потянулись к нему. Тыкались мордочками в руки Глебову, в ноги, в бока, лизали его одежду, задирали мордочки и ревели. У них текло из носа, они совсем по-детски кашляли...

Ужас охватил Глебова. И сразу нахлынула горячей волной жалость.

— Ах, вы бедняги, ах вы горемычные мои, — шептал Юра, — да что же это такое?! Как же это так? Ведь вы же малыши совсем. Кто же вас тут бросил, а? Ну не плачьте, не ревите. Сейчас что-нибудь придумаем. Придумаем,

ребятки. Ничего, ничего. Ах, вы, мои родимые. Да что ж это такое! Это какая ж скотина вас тут бросила?

Он шептал, пытаясь сглотнуть тяжелый ком, подступивший к горлу, а руки уже работали — в них очутился носовой платок, и он вытирал телятам мордочки. Очнувшись вдруг и поняв всю несуразность своих действий, схватил сумку, вытащил из нее пассатижи, молоток, бросился к забору и начал зло, с хрустом срывать одну за другой доски, вытаскивать гвозди.

Примерно за час заделал он щели, потом набрал ветоши, зашел в телятник.

— Вы уж извините, ребятки, я вас на чуток выгоню на улицу. Я быстро, вы уж не серчайте. Зато сухо будет и тепло. Я мигом, честное слово...

Телята снова заревели и потянулись к нему. Юра осторожно брал их на руки и выносил на улицу.

Скинул куртку, схватил подборную лопату, распахнул двери сарая и начал остервенело, не помня себя, выгребать навозную жижу, бормоча:

— Я мигом, ребятки, сейчас, мигом. Вы постоите немножко, а я сейчас...

Очистив телятник от навоза, Юра протер доски ветошью. Вышел, оглянулся — обрадовался: неподалеку виднелась небольшая куча опилок. Он бегал от кучи к сараю, перетаскивая опилки в своей куртке и устилая ими пол. Когда наносил достаточно, вздохнул и громко сказал:

— Все, ребятки, заходи по одному!

Но телята сгрудились в углу загона тесной кучкой, жалобно мыча. Глебов быстро перенес их в сухой телятник.

— Ничего, ничего, — приговаривал он, — сейчас согреться, а я пока соображу, чем бы вас покормить. Не ревите, малыши, я сейчас. Подождите самую малость. Лады?

Но телята не хотели ждать. Они все тыкались мордами в Юру, лизали шершавыми языками его руки и ревели.

— Ах ты, господи! Я мигом! Сейчас только до фермы сгоняю и вернусь.

Глебов побежал на ферму. Тетку Настю он застал все в той же позе — понуро сидящей на бидоне.

— Теть Насть, теть Насть, — затормошил он ее. — Чем бы телят покормить? Только надо побыстрее, режут они.

— А-а, — отозвалась тетка, — поглядел? Пойла им надо. Тепленького. Отвара хвойного.

— А где пойло-то?

— Отвар-то есть, а воды теплой нет. Титан вчера пере-

горел, печка развалилась. Да ты че такой, будто чумной? Говорила же, не ходи, не рви сердце.

— А в чем согреть есть? Согреть есть хоть в чем? — зарорал вдруг Глебов. — Ты че сидишь, тетка? Неужели у тебя сердца нет? Дело надо делать, а не слезы лить. Ты мне хоть паршивое ведро дать можешь, а?

Тетка Настя вскочила с бидона, как ужаленная, подбоченилась и визгливо закричала:

— Да ты че орешь-то? Че орешь, спрашиваю? Я тебе кто? Я тебе телятница? Ветврач? Завхоз? Ты почему орешь на меня?

Глебов опустил голову.

— Прости, тетя Настя, погорячился. Ты это... в общем, сама знаешь, там такое творится. Извини. Дай мне ведер несколько, а лучше бак. Я сейчас костер сооружу, а ты уж, тетя Настя, раздобудь какую-нибудь емкость, а?

Глебов насобирав досок, развел большой костер. Тем временем тетка Настя принесла два ведра с водой.

— Тебя как зовут-то, сынок? — тихо спросила она.

— Юрий.

— Ты уж, Юра, не серчай на меня. Психованная я тут стала. Запсихуешь. Ни от кого путя не добьешься. Хоть им кол, хоть че. Ты вон телятник в минуты заштопал, а у нас тут, почитай, третий месяц силы изыскивают. Так и долдонют: мол, всему свое время, изыщем силы, наведем порядок. А ты молодец, сынок, душа у тебя нестылая. Болеет за живое. У меня, думаешь, не болеет? Помрет, поди, скоро...

Они вдвоем согрели в ведрах воды, намешали пойла и понесли в телятник.

— Им сейчас много нельзя, — на ходу говорила доярка. — Поди, со вчерашнего вечера не поены. Если много дать, — поносом изойдут. Сам понимаешь, маленькие еще.

— Все правильно, тетя Настя, — соглашался Юра, — ты командуй. Сколько надо, столько надо. Главное — согреть их сейчас. Будет в брюхе тепло — оживут...

Помолчав, она сказала с тоской:

— Эй, сынок, сейчас оживут, а завтра? Ты-то уедешь, а все по-прежнему будет...

Глебов подумал, а потом, решив что-то важное для себя, вдруг поставил ведра и сказал:

— А я приеду, тетя Настя. У меня отпуск по графику. Вот приеду и устрою вашему начальству кузькину мать. А телят я выхожу, ты не сомневайся.

— Неужто приедешь? — удивилась тетка Настя. — Да тебя жинка не пустит. Чумной, что ли, отпуск в телятнике проводить?

— Сказал, приеду!

...Юра очнулся, поискал взглядом дочку. Она по-прежнему увлеченно возилась в песочке, что-то сооружала, старательно сопя. Бегунов уже не было, — значит, отправились обедать. И им нужно идти в столовую.

Он встал и вяло направился к дочке. Муторно было Глебову. Неуютно душе. Ох и неуютно!..